

Новый капитализм в России: социально-этические проблемы

Г. Ю. КАНАРШ

(ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН)*

В исследовании предпринят анализ морального и нравственного состояния современного российского общества. Автор показывает, что этические проблемы нового капитализма в России обусловлены как специфическими характерологическими особенностями «новых богатых», так и особенностями массового сознания и поведения.

Ключевые слова: человек, социальные изменения, капитализм, неолиберализм, богатство и бедность, индивидуальный характер, конформность, нравственность.

New Capitalism in Russia: Social and Ethical Problems

G. YU. KANARSH

(THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RAS)

In the article an analysis of moral and ethical condition of contemporary Russian society is carried out. The author shows that the ethical problems of new capitalism in Russia are caused both by some specific characterological features of "the new rich" and peculiarities of mass consciousness and behavior.

Keywords: person, social changes, capitalism, neoliberalism, wealth and poverty, individual character, conformism, morality.

Исторический опыт (в том числе опыт новейших модернизаций посткоммунистических стран Восточной Европы и России) показывает, что формирование новых общественных отношений (точнее, их нового типа), как правило, сопровождается значительными трудностями, связанными с коренной ломкой сложившегося социально-экономического (и/или политического) уклада. В процессе преобразований обычно подвергаются изменениям не только ключевые общественные, экономические и политические институты, основы государственной идеологии — радикальные трансформации, что хорошо известно социологам, происходят также на уровне общественного (массового) сознания. Можно предположить: новый тип общественных отношений (в модернизирующихся обществах) в какой-то степени формирует всякий раз и *нового человека*, который по своим базовым характеристикам

(ментальным, психологическим, ценностным) может порой разительно отличаться от предшествующего ему «социального типа» (а вполне возможно, что и от себя самого, но более «раннего»)¹.

Представляется, что опыт российских реформ последних полутора-двух десятилетий (с первой пол. 1990-х годов) дает убедительную и в общем довольно нерадостную картину подобных изменений. Известно, что за прошедший период позади осталась не только советская эпоха со свойственным ей типом «советского человека» (презрительно именовавшегося в посткоммунистический период «совком»), но разительно изменилось (по сравнению с пресловутыми 1990-ми) само российское общество. Так, по мнению социологов, «в целом за 15 лет преобразований, особенно за последние 8 лет, Россия реформирующаяся превратилась в Россию пореформенную, с относительно сложивши-

* Канарш Григорий Юрьевич — кандидат политических наук, и. о. старшего научного сотрудника сектора социальной философии Института философии РАН, старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, ответственный секретарь журнала «Знание. Понимание. Умение». Тел.: (495) 374-59-30. Эл. адрес: grigkanarsh@yandex.ru

мися и динамично управляющимися государственными, политическими и общественными институтами, которые опираются на поддержку гражданского большинства, на рост позитивных общественных умонастроений» (Горшков, 2009: 4).

Однако эта, казалось бы, позитивная во всех отношениях констатация (приводимая, что важно, в исследованиях разных учреждений — Института социологии РАН, ВЦИОМа, ФОМа и др.) в действительности фиксирует лишь изменения *самого общего характера*, некий *общий вектор* направленности развития России в последнее десятилетие (с начала 2000-х годов), и связанного, как известно, прежде всего с преодолением тяжелого социально-экономического кризиса 1990-х. Между тем, *внутри* российского общества, взятого не как монолитное целое, но как сложное, внутренне дифференцированное образование, с мощными (существующими на сегодняшний день) социокультурными «разломами», ситуация выглядит отнюдь не столь однозначно оптимистично. В нем (что признают и ученые, и эксперты) по-прежнему сохраняется чрезвычайно высокий (если не сказать — нетерпимый) уровень бедности и социального неравенства, весьма низка степень социальной поддержки государства, моральные стандарты бизнес-сообщества далеки от признанной (в западном мире) нормы, а отношения людей друг к другу (несмотря на активно дискутируемую в СМИ и на общественных форумах тему «гражданского общества») все так же характеризует высокая степень разобщенности, взаимного недоверия и безразличия. Все это позволяет говорить о том, что в *этическом* плане, в отношении своих моральных и нравственных качеств, российское общество мало продвинулось вперед, в значительной мере продолжая пребывать на уровне «кризисных» 1990-х.

Исходя из этого, я бы определил цель данного исследования как *попытку представить анализ морального и нравственного состояния современного российского общества, но не в абстрактном смысле, а в связи с особенностями индивидуальных (индиви-*

дуально-психологических, характерологических) изменений, произошедших в России в период посткоммунистических реформ.

Такая постановка проблемы предопределяет и выбор методологии. В своем анализе я буду опираться на такие базовые категории *социальной этики*, как «равенство», «справедливость», «общее благо» и др. Наряду с этим кажется целесообразным привлечение разработок других наук, в том числе конкретных (социологии и психологии), и, что кажется особенно важным — *естественнонаучной характерологии*, в ее современных формах (см.: Бурно, 2008; Волков, 2000; Райгородский (ред.-сост.), 2009). Использование наработок последней, как представляется, позволяет отойти от *сузубо теоретического* (например, теоретического этического либо социально-философского) взгляда на проблему (при всей его самостоятельной ценности), связав изучение реальных общественных феноменов (и особенно феноменов нравственных) с действующей (в данных социальных обстоятельствах) *природой человеческих характеров* (т. е. с определенного рода индивидуальным своеобразием людей).

НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И РОССИЙСКИЕ РЕФОРМЫ

В условиях отказа от социалистической модели развития в начале 1990-х годов в качестве конечной цели провозглашалось построение свободного общества по образцу западных демократий. Идеал свободы занял самое высокое место в иерархии ценностей постсоветской реальности. За основу государственной политики в области экономики была принята неolibеральная модель, которая, в частности, реализовывалась на Западе правительствами Р. Рейгана («рейганомика») и М. Тэтчер («тэтчеризм»). Крупнейшими идеологами неolibерализма на Западе выступили австрийские философы и экономисты Людвиг фон Мизес и Фридрих фон Хайек, а также американец Милтон Фридмен. Их теоретические построения — неприемлемых противников социализма — попытались реализовать в современной России.

Неолиберализм, будучи вполне прагматической социальной теорией, в отличие от «романтического» социализма, ориентирующегося на идеал равенства, главной социальной ценностью считает индивидуальную свободу. Свобода с этой точки зрения предстает как необходимое условие самореализации индивида, преследующего собственные цели. Это — негативная свобода, «свобода от» (прежде всего от государства). Такое понимание свободы не предполагает предоставления каких-либо социальных благ, она есть чистая возможность для каждого добиваться в жизни того, что индивид способен достичь благодаря своим талантам и личным усилиям. Сошлемся на классиков неолиберализма: «Либеральное требование свободы, — пишет, например, Ф. фон Хайек, излагая свое видение «истинного» либерализма, — обращено... на устранение всех искусственных препятствий индивидуальным усилиям, но не содержит претензий к государству или общине о предоставлении определенных благ» (Хайек, 2003: 148; см. также: Хайек, 1999; Хайек, 2006).

Заметим: подобное понимание свободы вполне соответствует национальному характеру многих западных европейцев (и американцев), которому свойствен как раз именно *фрагматизм как особого рода практичность*, основанная не на земной расчетливости (как это бывает у русских), а на концепции (в широком смысле). Как специфическое мироощущение и способ поведения прагматизм нашел достаточно яркое и последовательное выражение и в практике западного капитализма, и в особенностях западноевропейского политического устройства (демократического) (см.: Канарш, 2009).

Негативное понимание свободы предопределяло специфическое отношение неолиберализма к такой социальной ценности, как равенство. Так, М. Фридмен называет три концепции равенства, которые последовательно сменяли друг друга в западном политическом дискурсе: личное равенство, или равенство перед Богом, равенство возможностей, представляющее, по сути, конкрети-

зацию первого вида равенства, и, наконец, равенство результатов, которое заняло главенствующее положение в последней трети XX столетия. Из этих трех видов равенства с идеалом свободы, по мнению Фридмена, совместимы только равенство перед Богом и равенство возможностей: «Равенство возможностей, как и личное равенство, не противоречит свободе: наоборот, оно представляет собой существенную составную часть свободы» (Фридмен, 2003: 79). Резко отрицательно в этом смысле оценивается новый вид равенства — равенство результатов, в соответствии с которым предоставления свободы недостаточно, свобода должна быть обеспечена набором необходимых для нормального развития индивида социальных благ. Собственно, это тот самый вид равенства, который был в какой-то мере реализован в советском социалистическом обществе.

Возникший в России в 1990-е годов вариант общественного устройства называют «свободой без справедливости» (И. Клямкин). Это выражение не совсем точно, но интуитивно верно передает сущность неолиберального подхода к пониманию соотношения этих двух фундаментальных политических ценностей. Справедливое распределение, с точки зрения неолиберализма, представляет собой не результат целенаправленных правительственных акций, но является результатом действия спонтанных, неконтролируемых рыночных сил. По известному замечанию фон Хайека, «не может быть никакой дистрибутивной справедливости там, где никто не распределяет. Справедливость имеет смысл только как норма человеческого поведения» (Хайек, 1999: 92).

Пользуясь известной классификацией Аристотеля, можно сказать, что неолиберализм принимает *коммутативную справедливость* (справедливость, предписывающую честность в отношениях свободного обмена благами и услугами), но отвергает *справедливость дистрибутивную*, направленную на распределение социальных благ. Каждый обязан соблюдать нормы справедливого поведения (нормы права), но никто не обязан

подвергать себя действию правил, устанавливающих принципы распределения. В конечном счете, утверждают неолиберальные теоретики, дистрибутивная справедливость неприемлема по двум причинам: во-первых, не существует общепризнанных критериев справедливого распределения, и, во-вторых, даже если таковые будут найдены, их нельзя применить в обществе со свободной рыночной экономикой (см.: Хайек, 2003: 156).

Опять-таки подчеркнем, что перед нами — прагматическая (в плане своего *мироощущения, характера*) социально-философская концепция, созданная австрийскими (фон Хайек, фон Мизес) и американскими (М. Фридмен, другие экономисты Чикагской школы) учеными, созвучная, как представляется, именно *англосаксонскому национальному характеру* и предназначенная преимущественно для западного (в частности, американского) общества на определенном этапе его развития. И то, что данная концепция неорганична для России как в силу естественно-исторических причин, *традиций* социальной жизни (с их всегда мощной социальной составляющей), так и в силу *особенностей душевного устройства* многих русских людей (совсем не прагматического, а реалистически-земного, теплого, нередко с переживанием своей неполноценности, чувством вины перед более слабыми и униженными), с самого начала было достаточно очевидно (в том числе и для самих неолиберальных теоретиков, чьи идеи реализовывались в России, но не для новой российской политической элиты²).

Подобное понимание соотношения свободы и равенства, свободы и справедливости в неолиберальной теории, отказ от обеспечения свободы социальными благами и резко отрицательное отношение к роли государства в регулировании социально-экономических процессов крайне негативно сказались на развитии России. Так, социальный философ В. Г. Федотова прямо указывает, что главной причиной неудач российских реформ следует считать выбор праворадикальной версии капитализма, «опасный своим

революционаризмом не менее, чем леворадикальный марксистский вариант социализма» (Федотова, 2001: 233; см. также: Федотова, 2005). Отмечается, что, несмотря на идеологическую трансформацию, был в целом воспроизведен архетип российского политического мышления, который не приемлет «середины», но пытается броситься из одной крайности в другую: «если прежде была выбрана наиболее радикальная левая версия западной мысли — марксизм, то теперь — радикальная правая версия — неолиберализм» (Федотова, 2001: 239). В результате вместо социального государства в России сформировался «дикий капитализм», вернувший архаичные формы обогащения, а либеральная опора на автономного и ответственного индивида (от себя добавим: западного *индивида-прагматика*, не характерного для России) была подменена «опорой на отщепившегося от коллектива негативного индивида, к тому же обладающего безмерной жадностью и отсутствием экономической рациональности» (Федотова, 2003: 104).

Иными словами, практика нового российского капитализма, реализовавшегося волей политического класса по западным неолиберальным «рецептам», привела к тому, что на поверхности социальной жизни оказались не лучшие (предприимчивые, честные, моральные люди), а худшие, стремящиеся к приобретению богатства любой ценой, в том числе ценой ограбления и унижения миллионов сограждан³. Однако помимо социальных (и связанных с ними идеологических) причин, у данного процесса есть и другие — *индивидуально-психологические (характерологические) характеристики*, которым хотелось бы уделить особое внимание.

БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ХАРАКТЕРОЛОГИИ

Помимо несправедливых (по мнению большинства населения) итогов приватизации («прихватизации», как ее прозвали в народе)⁴, важной общественно-нравственной проблемой постсоветской России стал рост безразличия одной части общества — разбо-

гатевших в одночасье нуворишей — к судьбе другой — людей, не сумевших в силу тех или иных причин воспользоваться предоставленной свободой. Стремление к наживе, моральное оправдание обогащения любой ценой вытеснили из сознания большинства новых российских собственников традиционные для российского характера идеи любви к ближнему, естественной сострадательности, помощи тем, кто оказался в трудной ситуации и не может самостоятельно обеспечить себе достойную жизнь, т. е. все те идеалы, которые составляют важнейшую часть традиционных (в России) представлений о справедливости.

При этом интересно отметить, что подобные результаты утверждения капитализма характерны именно для *современной* России, с ее отсутствием прагматизма как цивилизующего фактора в национальном характере⁵ и безрелигиозностью, в то время как на Западе капиталистическая действительность — думается, именно вследствие работы *прагматического, стройно-практического, мышления, соединенного с религиозной верой*, — приобрела со временем совершенно иные черты. Например, уже упоминавшийся Милтон Фридмен, ссылаясь на работы американской исследовательницы Хелен Горовиц (Фридмен, 2003: 90–92), отмечает, что в Америке на рубеже XIX–XX столетий бурному развитию капиталистических отношений сопутствовал расцвет филантропической деятельности. Богатые граждане жертвовали значительные средства на развитие различных социальных сфер: культуры, образования, здравоохранения. Такая социальная активность предпринимателей во многом была обусловлена стремлением к просвещению масс, недопущению маргинализации значительных слоев населения, выпадению их из гражданского общества. Отметим, что подобное поведение бизнеса вполне соответствует *прагматической логике «социальной ответственности»*, в основе которой — с одной стороны, мотив выполнения религиозного долга, а с другой — понятное стремление бизнеса создать такие

условия, которые гарантируют его безопасное положение в обществе.

Нечто подобное происходило и в России второй половины XIX в. Но если, как отмечает в своем исследовании философ, социолог Н. Н. Зарубина, в позапрошлом столетии российское купечество осознавало свой моральный (прежде всего социальный) долг перед обществом, что нашло выражение в многочисленных фактах меценатства, то «современный деловой мир России проявляет себя иначе: он манифестирует себя скорее как замкнутая каста, живущая своими интересами, по собственным моральным стандартам и нормам» (Зарубина, 2004: 101). Колоссальные ограждения, воздвигнутые «новыми русскими» вокруг своих особняков, призваны не только защитить своих владельцев, но, как отмечается, выполняют вполне определенную знаково-символическую функцию: забор «как бы сообщает окружающим, что здесь прерывается социальное пространство, сюда не проникают проблемы внешнего мира, и отсюда вовне не может исходить ни сочувствие, ни помощь» (там же: 101)⁶. «Можно сказать, — пишет Н. Н. Зарубина в другой работе, — что культуре богатства присуща *особая агрессивность* (курсив мой. — Г. К.)», которую она связывает со специфической этикой успеха, сформировавшейся в недрах протестантской культуры (Зарубина, 2008: 16).

Рассуждение философа, социолога Н. Н. Зарубиной, на мой взгляд, перекликается с тем, что говорит о природе богатства и бедности *естественно-научная характеристология*. «Богатство, земные блага — пишет автор современной естественно-научной типологии характеров профессор М. Е. Бурно, — это область чувственности (в том числе художественно-утонченной), происходящей из сильных, ярких природных влечений человека (пищевого, полового, влечения к власти). В соответствии с разной природой людей одни живут преимущественно чувственной жизнью, жизнью власти, а другие — более или менее выраженной в них духовностью. С годами все отчетливее проявляется врож-

денная предрасположенность человека к тому или другому. Люди с тягостным, размышляющим переживанием своей неполноценности в основном предрасположены к духовным переживаниям. Радость власти, чувственная гурманстичность обычно не увлекают их. <...> В наше время грязного еще капитализма они, служа Духовности, обычно способны довольствоваться *немногими земными благами* (курсив мой. — Г. К.): лишь бы быть сытым и чисто одетым, лишь бы на нужную ему книгу хватило, на бумагу и ручку, на фотопленку... Их мир, их ценности — в этом. <...>» (Бурно, 2008: 332–333).

Таким образом, богатство и бедность, помимо того что формируются специфическими социокультурными факторами (протестантская этика), вполне отчетливо соотносятся с *определенными типами характеров* (богатство с характерологической агрессивностью, бедность — нередко с дефензивностью, «оборонительностью»). Это не значит, что агрессивный, прямолинейный человек всегда богат, а дефензивный всегда беден (может быть и наоборот, особенно у талантливых, социально успешных дефензивов), но природа людей такова, что предрасполагает их либо к экономически успешной деятельности, либо к деятельности духовной, творческой, не связанной непосредственно с достижением *экономической эффективности* (хотя и не исключаящей ее). Надо отметить и то, что в определенных социальных условиях, например в условиях «дикого», антивеберовского капитализма (термин В. Г. Федотовой), сформировавшегося в 1990-х годах в России, указанные характерологические качества людей (агрессивность, безнравственность), при отсутствии должного социального и нравственного регулирования, начинают проявлять себя *с особенной силой*. Не будучи в должной мере сдерживаемы ни моральными нормами, ни юридическими санкциями, эти качества становятся причиной многих вопиющих нарушений принципов нравственности и социальной справедливости. Как это и происходит сегодня в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В данном случае мы говорим прежде всего о так называемом массовом индивиде, человеке массового общества, с его психологической конформностью, способностью изменяться личностно сообразно обстоятельствам и влиянию среды. С индивидуальными (самобытными) характеристиками дело обстоит значительно сложнее.

² На что неоднократно указывала в своих работах второй пол. 1990-х — первой пол. 2000-х годов профессор В. Г. Федотова, ссылаясь на работы неолиберальных теоретиков (см., напр.: Федотова, 2001).

³ Отметим, что подобное положение дел коренным образом противоречит постулатам самой неолиберальной теории. Неолиберализм отрицает лишь дистрибутивную (распределительную) справедливость, но далек от отрицания справедливости вообще. Справедливое поведение, честность в исполнении взятых обязательств, соблюдение общих для всех норм (формальная справедливость) считается главной гарантией свободы и необходимым условием рациональной экономической деятельности. Свобода — это прежде всего свобода внутри определенных границ, налагаемых свободой других людей, — утверждает вслед за классиками либерализма Ф. фон Хайек (см.: Хайек, 2003: 146–147).

⁴ См., напр., статью историка Роя Медведева (Медведев, 1997). Интересно в этой связи отметить, что незаконное присвоение, захват того, что не принадлежит человеку по праву, считался одним из наиболее серьезных пороков несправедливости еще с Античности, и был известен под названием «плеонексия» (pleonexia). «Pleonexia (жадность) имеет место при обмене, когда мы захватываем более того, что нам должно получить, или не выполняем своих обязательств, или вообще получаем нечто, не внося своего вклада в социальную кооперацию, и тем самым нарушаем меру обмена и пропорциональное равенство с другим человеком. Pleonexia также представляет собой крайность наряду с прямо противоположным ей пороком несправедливости к самому себе при обмене (meionexia). Справедливость в обмене есть гармония между pleonexia и meionexia. В этом слу-

чае мы ничего не отнимаем у других, но и себя не даем в обиду» (См.: Кашников, 2001: 104). Нетрудно увидеть, что российская приватизация (она же «прихвация») явила собой торжество этого порока, осуждаемого как в классической античной мысли, так и в современной либеральной традиции.

⁵ Действие этого фактора, как представляется, можно усмотреть в успешном цивилизационном развитии Запада эпохи модерна, в формировании в этот период таких выдающихся феноменов западной цивилизации, как капитализм и демократия.

⁶ На тот же феномен обращают внимание и другие авторитетные исследователи. Так, В. Г. Федотова считает, что в России, для которой чувство сострадания, справедливости наряду с чувством патриотизма являлось одной из святынь, ныне в лице «новых русских» сформировался новый антропологический тип, «в котором возобладал мотив хорошей жизни здесь и теперь... вместо мотива равенства и справедливости» (см.: Федотова, 2007: 219).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурно, М. Е. (2008) О характерах людей (психотерапевтическая книга). 3-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект ; Фонд «Мир».

Волков, П. В. (2000) Разнообразие человеческих миров (Руководство по профилактике душевных расстройств). М. : Аграф.

Горшков, М. К. (2009) Российское общество в социологическом измерении // Мир России. № 2. С. 3–21.

Зарубина, Н. Н. (2004) Этика служения и этика ответственности в культуре русского предпринимательства // Общественные науки и современность. № 1. С. 96–105.

Зарубина, Н. Н. (2008) Деньги и культура богатства: перспективы социальной ответственности бизнеса в условиях глобализации // Социологические исследования. № 10. С. 13–23.

Канарш, Г. Ю. (2009) Демократия и особенности российского национального характера

(к политико-психологическим аспектам имиджа России) // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 64–77.

Кашников, Б. Н. (2001) Концепция общей справедливости Аристотеля: Опыт реконструкции // Этическая мысль. Вып. 2 / отв. ред. А. А. Гусейнов. М. С. 89–118.

Медведев, Р. (1997) Новый класс российского общества // Свободная мысль. № 8. С. 58–71.

Райгородский, Д. Я. (ред.-сост.) (2009) Психология и психоанализ характера. 5-е изд., доп. Самара : Изд. дом «Бахрах-М».

Федотова, В. Г. (1997) Модернизация «другой» Европы. М. : ИФРАН.

Федотова, В. Г. (2001) О причинах неудач реформ 1991–98 гг. в России // Социальные знания и социальные изменения / отв. ред. В. Г. Федотова. М. : ИФРАН. С. 233–254.

Федотова, В. Г. (2003) Основные образы и сценарии российского развития // Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / отв. ред. В. Г. Федотова. М. : ИФРАН. С. 92–123.

Федотова, В. Г. (2005) Хорошее общество. М. : Прогресс-Традиция.

Фридмен, М. (2003) Свобода, равенство и эгалитаризм // Фридмен, Милтон, и Хайек, Фридрих о свободе. В серии «Философия свободы». Вып. II. М. : Социум ; Три квадрата. С. 73–106.

Хайек, Ф. А. фон. (1999) Рынок, социальная справедливость и солидарность // Хайек Фридрих А. фон. Познание, конкуренция и свобода / пер., сост. и предисл. С. Мальцевой. СПб. : Пневма. С. 92–100.

Хайек, Ф. (2003) Либерализм // Фридмен, Милтон, и Хайек, Фридрих о свободе. В серии «Философия свободы». Вып. II. М. : Социум ; Три квадрата. С. 129–168.

Хайек, Ф. А. фон. (2006) Книга II. Мир социальной справедливости // Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хаейк ; пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева ; под ред. А. Куряева. М. : ИРИСЭН.

(Окончание следует)